

Историческая ответственность в исследованиях памяти

УДК 02.41.21

ГРНТ 02.31.55

История – память или воображение Memory and imagination in History

*Жакупбекова Дана Амангельдиевна,
Старший преподаватель кафедры и теории культуры
КарГУ им. Е.А. Букетова
Караганда, Казахстан
dana.tamen@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особой грани между историей и поэтическим творчеством, которая, по сути, может быть сведена к вопросу, насколько историческая память в качестве реальности особого рода зависит от воображения.

Abstract

The article is devoted to the relations between history and poetry creation. How to define the line between reality and imagination.

Ключевые слова: историческая память, эпос, социальность, воображение.

Keywords: historical memory, epos, sociality, imagination.

Кто и как развалил Союз, где наш мир, понятный и правильный, когда ключи от квартиры под ковриком, когда учитель у доски и девочки с бантиками? Вопросы, имеющие прямое отношение к теме исторической ответственности, слышны повсюду. Их задают политологи, их задают обыватели, чьи мнения сходятся в одном – кто-то непременно должен на них ответить. Но это тем, кому глубоко за 40. Как быть молодому школьному учителю, чье

детство уже не застало пионерских костров, а за партами сидят те, для которых слова пионер, комсомолец ни о чем не говорят.

Представим ситуацию, Тимур Бекмамбетов снимает картину в преддверии знаменательной даты – столетия Октябрьской Революции. Вопрос «Что станет главным для создателя – история или воображение» скорее риторический. Восприятие фильмов о войне, революции тех кто «помнит» будет, безусловно, отличаться от восприятия тех, для кого история не связана с памятью. Дело, конечно, не в том, насколько Елене Лядовой удалось воплотить на экране «Железную Леди» Нины Берберовой, или К. Хабенский воссоздал образ Колчака. По всей видимости, грань между историей и мифотворчеством определяет, насколько историческую память зависит от воображения. Но вот снял же Сергей Бодров «Монгол», скажут киноманы. Какие претензии? Пожалуй, что и нет, кроме одной, Чингисхан уж больно человечный и живой! Как с такого спросить за иго? Да, странный фильм – таков вердикт массового зрителя.

Вправе историкам вмешаться в разговор. Но и они ссылаются на весьма сомнительный источник – эпические сказания. В работе «Апология истории или ремесло историка» М. Блок, к примеру, исторические факты расценивает преимущественно как психологические, и отводит весьма внушительную роль поэтическим сказаниям XI века: «В любой литературе общество созерцает свой собственный образ» [1, 164]. Само общество по его мнению есть «продукт индивидуальных сознаний». Таким образом, для историка такого уровня вопрос о соответствии между вымыслом и реальностью в природе исторического знания отнюдь не праздный. Культурный расцвет эпохи Возрождения он также связывает с появлением больших эпических поэм, в основе которых древние легенды с характерным отпечатком «магического духа».

Изучая феодальное общество, М. Блок задавался вопросом, откуда черпали просвещенные жители средневековых городов исторические сведения. Помимо античных, влиятельными источниками были художественные произведения, откровенно засоренные «шлаками», символическими толкованиями и откровенными неточностями. Тем не менее, желание приблизиться к прошлому было столь велико, что рассказы о жизни героев, королей и пап стало едва ли ни единственным источником того, что историк называет коллективной памятью. Кроме того, он убежден, что средневековье неотделимо от эпоса. Ведь образованных людей было не так уж много, основная масса привыкла слушать. И были рассказчики, по-французски это звучало весьма оригинально – их называли жонглерами. Из их среды появлялись будущие авторы поэм. При этом нет непреодолимой преграды между монастырскими рукописями и поэтическими сказаниями.

«Зная, с каким интересом люди феодальной эпохи относились к прошлому и как любили рассказы о нем, можно ли удивляться, что устная традиция прошла через века? Излюбленными ее очагами были все те места, где встречались странники: центры паломничества и ярмарочные площади, дороги паломников и купцов, воспоминание о коих сохранили многие поэмы» [1, 159]. Вместе с тем, каждая семья имела свои родовые легенды. Как в традиционном обществе, так и в современном, фактор происхождения является определяющим. В традиционном обществе, когда индивидуум идет по predetermined пути, он редко задумывается о своих корнях. Они надежно удерживают его в этом мире. Но стоит ему оторваться от своего истока, утратить прежние исторические корни, как проблема происхождения неизбежно возникает в качестве рефлексии по поводу утраченной преемственности, прошлого т.д.

Смена эпох, культурных парадигм, смена поколений влечет за собой потерю наследственного образа. Незащищенный силой прошлых поколений человек остается один на один со временем. Наследственное коммуникативное поле оказывается разрушенным, что порождает проблему создания и расширения нового коммуникативного пространства. Цикл поколений не только предлагает определенный проверенный образ, но и дает основу для преодоления личной ограниченности. Включенный в движение цикла поколений индивидуум является носителем и представителем некоторых продолженных им ценностей, выводящих его за пределы конечного существования. Т.о. психо-история дает выход на коммуникативные процессы в культурной традиции как таковой.

Коммуникация в современном мире расширяет свои границы, что ведет с одной стороны к утрате прежних, родовых корней и к приобщению более широкой общности с другой. Появляется широкий, практически неограниченный никакими рамками простор для создания новых коммуникативных связей. Единственный момент, имеющий важное значение, это то, в каком направлении осуществиться переход при создании новых субъекций.

Сила эпоса как устного сказания заключалась в том, что он оказывал сильное воздействие на воображение, гораздо более мощное, чем книга. В 40-ые года прошлого столетия М. Блок сравнивал силу воздействия радио и газеты, мы имеем возможность продолжить сравнение. Поскольку в древнегреческом языке слово «эпос» указывает на звуковую оформленность слова, на сам процесс произнесения, эпический жанр не просто форма героической песни или сказание. Это своего рода трансляция социального опыта через его новое проживание. Появление письменности как новая форма памяти оттесняет эпический жанр, лишая его «голоса» и «слуха».

Из истории литературы мы знаем, что эпос создавал коллективную память в средние века. Чуть позже возникает особый жанр исторического романа. Переход к прозе стал

возможен в среде, не связанной с деятельностью жонглеров и клириков. М. Блок уверен, что уход эпоса на второй связан с возросшим самосознанием и образованностью.

Вполне логично задать вопрос: что есть литература и литературное творчество сегодня? Насколько психологический фактор присутствует в современной истории? В дни девяностолетия А. Синявского глубоко символично белорусская писательница Светлана Алексиевич удостоилась Нобелевской Премии в области литературы. В книге «У войны не женское лицо» С. Алексиевич определяет литературу как взаимопроникновение индивидуального и общего: «между реальностью и нами – наши чувства», «я строю храмы из наших чувств» [2].

А. Синявский о значении литературы: «Социалистический реализм исходит из идеального образца, которому он уподобляет реальную действительность... Мы изображаем жизнь такой, какой нам хочется ее видеть» [3, 1].

Судьбы А. Ахматовой, О. Мандельштама, А. Синявского для кого-то лишь хрестоматийные персонажи эпохи социализма. Для нас это пример подлинной литературы, той, что конструирует собственную реальность, свой особый мир, «который вступает в сложные отношения с «реальным миром». Если бы литература ставила своей целью отражение реального мира, то она никогда не стала бы тем могущественным культурным институтом, каким она была на протяжении столетий. Отражение реальности – это прагматическая функция литературы, но эта функция никогда не была ни основной, ни сколько-нибудь значимой» [3, 188].

Если говорить об исторической памяти, исторической ответственности как социальных феноменах, следует признать их сопряженность с темой утраты (Одна из причин, почему она возникла в работе М. Блока, почему она, собственно, безразлична нам), отраженной в творчестве Нины Берберовой. Впервые ее автобиография «Курсив мой» была опубликована на страницах журнала «Вопросы литературы» в 1988. О своих соратниках, связанных «антидружбой» она писала следующее: «Мы были странной кучкой людей, ... которые почему-то не принимали того, что делалось у них на родине». Спустя три года «исход» 20-х из события истории воплотился в жизнь того поколения, чье становление пришлось уже на 80-е и 90-е годы, в отличие от представителей «странной кучки», воспитанное на социалистических ценностях времен «холодной войны» с его лозунгами «Миру Мир».

Поэт в России больше чем поэт. Пример – Олжас Сулейменов, величайший поэт, лингвист, лидер движения «Невада-Семей», которому удалось остановить ядерные испытания писал:

Пусть ворошить былое
шакалий труд.

Ветра следы героя
в песках
сотрут.
Да, если не напомнить,
что был в роду
один, кото рый понял,
что он не трус.
Один, который вышел
в тринадцать лет, -
великий!
(если выше
мужчины нет).
Пусть одинокий подвиг
вас оправдал.
[5; с. 326].

Вот краткая формула исторической ответственности, которую можно принять за отправную точку исследования. Поэтическая, емкая, все как описал М. Блок.

Литература:

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986.
2. Алексиевич С. У войны не женское лицо. WWW: <http://www.alexievich.org/>
3. Синявский А. Что такое социалистический реализм. <http://antology.igrunov.ru/authors/synyavsky/1059651903.html>
4. Нуржанов Б.Г., Ержанова А.М., Культурология в новом ключе: Учебное пособие для ун-тов. Алматы: Изд-во КарГУ, 2011.
5. Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. Алма-Ата: Жазушы, 1976.